

**Охрана культурного наследия
на территориях, подконтрольных
русской армии, как составляющая
национальной и конфессиональной
политики (1914—1917 годы)**

*ЕРЕМЕЕВА Анна Натановна,
Доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела комплексных проблем
изучения культуры Южного филиала Российского научно-
исследовательского института культурного и природного
наследия имени Д. С. Лихачева, г. Краснодар, Россия.
Электронная почта: erana@mail.ru.*

**The Protection of Cultural Heritage
on the Territories Controlled
by Russian Army as a Component
of National and Confessional Policy**

*Anna N. EREMEEVA
Dr. Sci. (National History), Prof.,
Chief Researcher, Department of Complex Problems for
Cultural Research,
Southern Branch of Russian Research Institute for
Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia
E-mail: erana@mail.ru*

Аннотация

В годы Первой мировой войны важной задачей российских органов власти и научных организаций было сохранение памятников истории и культуры на территориях, находившихся под контролем русской армии. В статье рассматривается организационная деятельность в этом направлении, дана характеристика отдельных инициатив, в т. ч. научных экспедиций. Автор касается также способов освещения темы в прессе 1914–1917 гг. с учетом геополитических приоритетов, национальной и конфессиональной политики воюющей страны.

Ключевые слова: Первая мировая война, пограничные территории, охрана культурного наследия, научные экспедиции, медийные стратегии.

Abstract

An important task of the Russian authorities and research organizations during the World War I was the preservation of monuments of history and culture in the territories that were under control of the Russian army. The author examines organizational activity in this direction and characterizes separate initiatives, including scientific expeditions. She also touches upon the coverage of the subject in the press (1914–1917) in the context of geopolitical priorities, national and religious policy of the wartime Russia.

Keywords: World War I, the border areas, the protection of cultural heritage, scientific expeditions, media strategy.

Предвоенное десятилетие в Российской империи стало временем осознания обществом и правительственными кругами необходимости более активного участия государства в охране культурного наследия, выработки соответствующего законодательства.

В декабре 1904 г. при Министерстве внутренних дел была образована Особая Комиссия по пересмотру изданных ранее постановлений и инструкций об охране памятников, многие из которых не действовали. Комиссия создавалась при участии представителей заинтересованных ведомств и учреждений — Министерств: народного просвещения и военного; Академии Художеств; Археологической Комиссии; Синода. Комиссия ознакомилась также с постановкой дела охраны памятников в зарубежных странах [9, с. 5].

П. А. Столыпин в 1908 г., будучи министром внутренних дел, распорядился активизировать деятельность Особой комиссии. Комиссия составила Основные положения, но в связи с началом русско-японской войны их полноценное обсуждение не состоялось. При составлении обновленного проекта закона (по охране не только древних памятников и зданий, но, как писал П. А. Столыпин, «и вообще об охранении памятников старины в самом широком смысле этого слова и памятников, имеющих художественное значение») учитывался опыт западных стран [20]. По мнению историка науки В. С. Соболева, в проект нового закона были заложены отдельные положения, которые во многом опережали свое время. Так, предполагалось установление единой системы государственной охраны памятников; создание специального органа государственной власти, в ведении которого находилась бы эта деятельность. В проекте рассматривалось также право государства на отчуждение, в случае необходимости, памят-

ников, являвшихся частной собственностью или находившихся в собственности церкви [28, с. 232].

После смерти Столыпина проект обсуждался в Думе тремя думским комиссиям: по народному образованию; по судебной реформе; бюджетной, высказавшими несогласие с отдельными принципиальными положениями. После доработки проект был представлен в Думу в 1913 г. и был передан на рассмотрение в комиссию по направлению законодательных предположений и на заключение в комиссии бюджетную и по судебным реформам. Проект широко обсуждался и заинтересованной общественностью, прежде всего, членами общественных научных организаций. Одной из дискуссионных площадок стал журнал «Старые годы» — иллюстрированный ежемесячник «для любителей искусства и старины», выходивший в 1907-1916 гг. при Кружке любителей русских изящных изданий. Обсуждение проекта на уровне Государственной Думы возобновилось в 1916 г., а принят Закон был уже Временным правительством.

В годы Первой мировой войны важной задачей органов власти Российской империи было сохранение исторических памятников на территориях, находившихся под контролем русской армии, а также ценных для России памятников на территории стран-противников.

Согласимся с мнением современного историка Д. Н. Старостина о том, что «в войне, которую английские и французские газеты нарекли сражением, где цивилизованные страны сражались против тевтонского варварства, важны были не только военные успехи, но и облик России как цивилизованной страны [31, с. 283].

Российское Министерство иностранных дел по просьбе директора Петроградского Археологического института Н. В. Покровского обратилось к правительству Италии (как

нейтральной страны, еще до вступления ее в войну) с просьбой об охране храма святой Софии и других византийских памятников в Константинополе, а также Русского Археологического института, находившемся в этом же городе [24, с. 124].

В Академии наук в ноябре 1914 г. была образована специальная академическая комиссия по охране ценных для науки памятников. В ее состав вошли академики И. П. Бородин, В. И. Вернадский, М. А. Дьяконов, Н. П. Кондаков, А. С. Лаппо-Данилевский, Ф. И. Успенский, Н. В. Насонов, А. А. Шахматов. Стали формироваться экспедиции на Юго-Западный и Кавказский фронты для учета и охраны имеющих научное значение памятников на территориях активных военных действий [8, с. 468]. 16 марта 1915 г. правительство выделило Академии наук 6000 руб. на расходы по охране исторических памятников, библиотек и коллекций в местностях военных действий. 28 ноября 1916 г. на эти цели было выделено еще 6000 руб. [10, с. 192]/

Многие научные объединения, в т. ч. Общество защиты и сохранения памятников искусства и старины, поручали своим членам, отправлявшимся на фронт, вести регистрацию памятников.

Из местностей, находившихся в непосредственной близости от линии фронта, эвакуировались движимые ценности. Так, из Эчмиадзинского монастыря — центра Армянской Апостольской церкви и резиденции католикоса (ныне монастырь входит в список Всемирного наследия ЮНЕСКО) они были вывезены в Москву на хранение в армянскую Крестовоздвиженскую церковь*. Как сообщал журнал «Старые годы» в начале 1915 г., туда «уже водворено

* Церковь Святого Креста, построена на средства И. Л. Лазарева в 1781–1782 гг., снесена в 1930 г.

более 100 сундуков с сокровищами, привезенными из Эчмиадзина, где много древних облачений, риз из литого золота, золотых вещей, пожертвованных русскими императорами католикам, замечательных рукописей, между прочим, рукописное армянское Евангелие X в. и пр.» [15, с. 57]

Экспонаты тифлисского музея были эвакуированы в Ставрополь, где они оставались в течение нескольких лет и даже в условиях Гражданской войны сохранялись музейными работниками.

Много делалось для спасения ценностей с польских территорий Российской империи. Польское общество охранения древностей обращалось с воззваниями с просьбой сохранять и предоставлять сведения «о памятниках польской старины, искусства и литературы, уже погибших вследствие военных действий, и тех, которым грозит гибель» [18, с. 157]. Министерство народного просвещения выделяло средства на сохранение польских ценностей, препятствовало их продаже на железнодорожных станциях, привлекало Академию наук к получению сведений о предметах искусства, вывезенных из Лазенковского дворца (резиденции последнего польского короля С. Понятовского. — А. Е.), о вывозе старинных книг из Варшавской главной библиотеки [18, с. 158]. Правление общества в годы войны получило в дар большое количество ценных предметов искусства.

На Западный фронт был командирован Е. Ф. Шмурло, член-корреспондент Российской Академии наук, член Императорского Русского географического общества и других научных обществ, нескольких провинциальных архивных комиссий, долгое время работавший учёным корреспондентом Академии наук в Риме при Ватиканском архиве. Теперь в его задачу входило «охранение и вывоз ценных предметов, а также инвентаризация библи-

отек, древлехранилищ и музеев» в Привислинском крае, Галиции и Буковине [15, с. 56]. Многие ценности были эвакуированы. Как сообщалось в прессе, в Перемышле Е. Ф. Шмурло обнаружил и позже доставил в Петроград митру папы Иннокентия IV, присланную в 1254 г. князю Даниилу Романовичу Галицкому [18, с. 158]. Академия наук командировала нескольких инженеров, художников, представителей других профессий для охраны исторических памятников в завоеванных областях Австро-Венгрии. Зарисовкой отдельных памятников архитектуры, а также мест сражений, созданием сюжетных композиций занимались по собственной инициативе художники — солдаты и офицеры действующей армии. Среди них — вольноопределяющийся (а затем поручик) артиллерийского дивизиона известный архитектор, художник, участник объединения «Мир искусства» Л. Р. Сологуб. Как писал обозреватель журнала «Нива», «Сологуб не забывает и о своих архитектурных задачах. Наряду с некоторыми другими находящимися на войне художниками он зарисовывает и обмеряет встречающиеся на театре войны памятники старины. Их так много в Литве, в Польше» [35, с. 438]. Его работы в декабре 1916 г. послужили основой выставки «На войне» в Академии художеств в Петрограде.

В российской прессе публиковалось множество статей о разрушении немцами и их союзниками памятников культуры в завоеванных странах. Журнал «Старые годы» в одном из номеров разместил перевод статьи Дени Роша (Denis Roche) о памятниках во Франции, разоренных и разрушенных немцами [27].

Особое внимание привлекла бомбардировка Реймского собора. Ее трактовали как преступление против культуры и христианства. Российские научные общества (в том

числе Императорское Археологическое) составили письма, осуждающие «цивилизированных варваров». Реймские сюжеты присутствовали в прозе и поэзии тех лет, в том числе в произведениях О. Мандельштама, В. Брюсова, М. Волошина, Ф. Сологуба, М. Кузмина, И. Эренбурга. Спустя два месяца после начала бомбардировки Реймса на сценах российских театров была поставлена пьеса Г. Ге «Реймский собор» [34].

Разрушение ратуши, собора и университетской библиотеки (она потеряла 300000 томов) бельгийского Лувена также вызвало возмущение в российском обществе. «Пылающий Лувен» и «Вандалам» Г. Иванова стали его поэтическим воплощением. Корреспондент журнала «Старые годы» сообщал, что союз пяти французских академий образовал особую комиссию, по вопросу о восстановлении Лувенской библиотеки. Секретарь Парижской академии Этьен Лами обратился к Председателю Императорского исторического общества великому князю Николаю Михайловичу с просьбой оказать содействие делу восстановления библиотеки. Согласно рескрипту Великого Князя Министр народного просвещения граф П. Н. Игнатъев наметил ряд мер к установлению совместной работы с французскими учеными. Предполагалось учредить особую русскую комиссию под председательством великого князя. В числе вице-председателей назывались вице-президент Академии наук А. П. Карпинский и ректор Петроградского университета Э. Д. Гримм [17, с. 118–119].

Одновременно с описаниями разрушительных действий немцев в прессе обращалось внимание на бережное отношение русских солдат и офицеров к культурному наследию захваченных территорий, в частности Галиции. «Новой <...> сокровищницей искусства становится для нас Галиция с ее замечательным церковным строитель-

ством и особенно город Львов» — писал в рубрике «Отражения войны» ведущий обозреватель «Русской старины» искусствовед А. Ростиславов [24, с. 124]. Ему вторил автор очерка «В Галиции», подписавшийся псевдонимом А. Т.: «Судьба художественных богатств нового русского города, конечно, сейчас интересует всех, кто любит искусство и старину <...> Львов остался с нами и теперь уже неразрывно слился с матерью древнею своею, с великою Россией <...> Такие действия, как осквернение алтарей, устройство конюшен в костелах, широко применяемые грубыми немцами в занятой ей Польше, конечно, у нас никогда и нигде не имели места <...> Нынешняя гражданская власть <...> принимает все возможные меры к охране памятников старины. Честь и слава нашему воинству: уцелели и стоят в прежней своей красе лучшие польские поместья <...> В ту грозную минуту, когда нужно было выбить обязательно засевших австрийцев — русский солдат сделал все возможное, чтобы пощадить святыню и уберечь Божий храм» [1].

Сдвоенный (4–5) номер журнала «Старые годы» за 1915 г. был специально посвящен достопримечательностям «бывшего австрийского города» Львова, в том числе его памятникам церковного зодчества, музеям, частным собраниям предметов искусства.

Пресса формировала в обществе представления о важности общерусского и общеславянского единения, о вступлении русских на исконно русские территории путем напоминаний о вхождении территории Восточной Галиции в состав Древнерусского государства в IX — начале XII вв., ее исторической связи с Малороссией (Украиной), частью Российской империи.

Правительственные меры по распространению русского языка в Восточной Галиции, поддержанные рядом

местных общественных деятелей, включали не только сферу образования. Как отмечает историк А. Ю. Бахтурина, при Русском народном совете Прикарпатской Руси была создана географическая комиссия, которая занялась вопросом о восстановлении древних исторических русских названий местностей и городов там, где они были заменены польскими, венгерскими, немецкими или румынскими [3, с. 154].

После отступления русской армии А. Ростиславов в статье «Правительственные заботы о старине» сообщал, что «крупные военные события последнего времени отсрочили возможность осуществления проектировавшихся нашим правительством мер по сохранению и регистрации памятников старины в Галиции», что русские, в отличие от немцев, трепетно относились к памятникам: «Ни один памятник старины, музей Львова не был тронут при отступлении русской армии» [25, с. 101].

Известный геолог, ученый секретарь Комиссии по изучению естественных производительных сил России А. Е. Ферсман в статье «Ископаемые богатства Галиции и Буковины» (1915) после подробного описания объекта исследования заметил: «Как сложится будущее этого края <...> на это ответить сейчас трудно, но русское общество должно знать о природных богатствах этой старорусской страны» [33, с. 412]. Редактируемый Ферсманом журнал «Природа» публиковал обзоры новых книг, касающихся западных территорий, соответствующие географо-этнографические статьи, иллюстрированные фотографиями и рисунками (см.: [5] [30]).

В 1915 г. в музее Императора Александра III (Русском музее) работала этнографическая выставка, представлявшая русское население Галиции, Буковины и Венгрии. Обозреватель журнала «Старые годы» отмечал:

«Особенно поражающее впечатление производят работы гуцулов, племени, очевидно богато художественно одаренного» [26, с. 108].

На заседании географического отделения **Императорского общества любителей естествознания антропологии и этнографии** 24 апреля 1916 г. был заслушан доклад зоолога, охотоведа, эколога Б. М. Житкова по итогам его плановой поездки в Галицию «О некоторых научных и культурных учреждениях Галиции». Докладчик сделал обзор географии высших учебных заведений, музеев, научных обществ [21].

Вторичное вступление русских войск в Галицию, освобождение важных для православных верующих мест (например, Почаевской лавры) комментировалось в прессе как изгнание с Божьей помощью попиравших святое место врагов. Однако риторика воссоединения стала менее активной. Военные власти, вопреки позиции Министерства иностранных дел, требовавшего проведения твердой языковой и образовательной политики, сделали ставку на обеспечение спокойствия в новом тыловом районе путем оказания помощи (прежде всего продовольственной) местному населению.

Успехи на Кавказском фронте также стали сигналом для научных обследований занятых территорий. Под председательством президента Академии наук великого князя Константина Константиновича предполагалось создать Комитет по описанию, охране и поддержанию археологических памятников Царьграда (Стамбула) и его окрестностей, которые в случае победоносной войны должны были отойти к России. С этой же целью неоднократно обсуждался вопрос о создании Палестинского Комитета [10, с. 193].

Писатель и краевед, автор работ по истории и этнографии Абхазии К. Д. Мачавариани замечал: «Как жаль, что по примеру древних завоевателей (Александра Македонского, Помпея, Юстиниана) вместе с нашими войсками не идут специалисты по истории и археологии, которые могли бы дать нам ценные сведения о новом крае» [11, с. 44]. Мачавариани, кстати, информировал читателей, что пройдя от Ризе до Трапезунда, видел немало магометан, говорящих исключительно по-гречески и тех, кто тайно исповедует христианство [11, с. 55–57].

Внимание исследователей привлекали мечети, в основе которых лежали христианские храмы. Обнаруженные барельефы, настенные росписи и пр. описывались и при наличии возможности — фотографировались.

В конце 1914 г. президент Академии наук обратился к Верховному Главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу с просьбой разрешить командировку академику Ф. И. Успенскому в район боевых действий на Кавказском фронте с целью эвакуации памятников.

Одним из значительных научных предприятий стала историко-археологическая экспедиция в Трапезунд. Еще за несколько месяцев до оккупации Трапезунда проблема охраны памятников там поднималась и в историко-филологическом отделении Академии наук, и в Русском Археологическом обществе. По предложению последнего перед военными властями был поставлен вопрос о заблаговременном принятии мер к тому, «чтобы памятники г. Трапезунда, а впоследствии всей приморской области были поставлены под действительное наблюдение и попечение ученых специалистов по возможности с самого момента занятия соответствующих городов нашими войсками, дабы предотвратить те возможные последствия,

которые могут потерпеть эти памятники как от случайностей первых моментов военной оккупации, так и от хищений торговцев древностями и любителей и, наконец, от слишком поспешного и недостаточного осмотрительного возвращения некоторых мечетей к прежнему церковному назначению» [2, с. 301]. Такое же решение было принято историко-филологическим отделением Академии наук. Представители обеих организаций были командированы в Кавказскую армию. В сохранившемся в Российском государственном историческом архиве отчете Трапезундская экспедиция фигурирует как совместная, «для охраны и изучения памятников древности Трапезунда» [22, л. 1].

Русская экспедиция работала в Турции летние месяцы 1916 и 1917 гг. Основное внимание было сосредоточено на трех памятниках: церквях св. Софии, св. Евгении и Богородицы Златоглавой.

Экспедиция 1916 г. началась в июне. Как сообщил позже Ф. И. Успенский, страшная жара провоцировала лихорадку и малярию. Настоящим потрясением для членов экспедиции были разоренные армянские, а позже — турецкие кварталы. Экспедицией предпринимались меры для приостановления расхищения мечетей. Греческие памятники были поставлены военными властями под защиту трапезундского митрополита. Августейший наместник императора на Кавказе Великий князь Николай Николаевича во время визита в Трапезунд, выслушав доклад Успенского, «изволил выразить категорическое желание, чтобы начатые работы продолжались как в Трапезунде, так и в его окрестностях». Приказом по Трапезундскому укрепленному району от 30 июня 1916 г. все мечети, которые ранее были христианскими церквями, были закрыты для мусульманского культа и отводились для проведения археологических работ [23, л. 35–36об.].

Самыми перспективными оказались работы по изучению церкви св. Софии (мечеть Айя-София). В 1916 г. работы здесь вели известный искусствовед Ф. И. Шмит и штатный художник Русского Археологического института Н. К. Клуге. Ими были обнаружены росписи в алтаре и в стенах, **очищены значительная часть фресок, обнаружен мозаичный пол, сделаны планы, рисунки, фотографии**. Летом 1917 г. обнаруженный годом раньше иконографический материал изучал Н. Д. Протасов (специалист в области церковной архитектуры и искусства).

Большой удачей экспедиции 1916 г. стало открытие находившейся возле храма Богородицы Златоглавой усыпальницы трапезундского императора, которую турки использовали для тюрбэ (гробница-мавзолей в османской архитектуре), посвященного памяти Хосоглана — виновника падения Трапезунда в 1451 г. [2, с. 299].

В 1917 г. были обследованы оборонительные сооружения города. Ф. И. Успенский произвел реконструкцию плана города византийской эпохи. Он же исследовал дворцовую церковь и колокольню при храме св. Софии.

После экспедиции 1916 г. находки были помещены в организованный при храме Богородицы Златоглавой местный археологический музей.

В этой же церкви был сосредоточен большой книжный и рукописный материал, а также архивные документы — все, что было обнаружено в мечетях и брошенных частных библиотеках. Для разбора этого собрания в 1917 г. в Трапезунд был приглашен один из ведущих ориенталистов Российской империи А. Крымский (впоследствии он стоял у истоков Академии наук и школы востоковедения на Украине).

Д. Н. Старостин справедливо характеризует Трапезундскую экспедицию как пример извлечения из поли-

тической и военной ситуации максимальной пользы для научных занятий. На основе анализа докладной записки Ф. И. Успенского Старостин доказывает, что «главной целью ученых по-прежнему оставался Константинополь, как центр культуры и научной деятельности» [31, с. 284].

Не только историко-археологические изыскания, но охрана и спасение исторических ценностей Трапезунда была важной задачей ученых. В этом отношении значительна роль археолога, искусствоведа, будущего сотрудника Эрмитажа Ф. М. Морозова — организатора музея местного края, создателя (из местных жителей — турок, греков и армян) Общества охраны памятников старины Трапезунда и его окрестностей. В автобиографии он упоминал устроенные им в Трапезунде выставки, в одной из которых принимали участие члены научной экспедиции, давшие свои материалы [14, с. 290]. В Археологическом институте Петрограда Морозовым был сделан доклад о «церковно-архитектурных памятниках Трапезунда». Докладчик сообщил о двенадцати полуразрушенных храмах XVIII–XIV вв., орнаментах, мозаиках, фресках, украшениях, носящих следы византийских влияний, о «стенах трапезундской крепости и двух старинных дворцах, приписываемых постройке Комнинов» [18, с. 159].

Как представитель Археологического общества на Кавказском фронте, Морозов был одним из тех, кто наблюдал за Трапезундской экспедицией. С 1917 г. он состоял ученым секретарем Комитета по охране памятников старины при начальнике Трапезундского укрепленного района, учрежденного Закавказским Комиссариатом [36, с. 164–187].

Русское археологическое общество в отчете за 1916 г. сообщало об экспедиции с 12 июня по 25 июля на Ван под

руководством Н. Я. Марра и И. А. Орбели в сопровождении фотографа и художника. Главным ее итогом стало изучение надписи урартского царя Сардура II (VIII в. до н.э.) [22, л. 10]. Как позже писал исследователь Урарту Б. Пиотровский, в нише Ванской скалы, цитадели урартской столицы Тушпы, была открыта стела с клинописным текстом, содержащим описание походов урартского царя Сардура, сына Аргишти. Текст этот относится ко времени расцвета Ванского царства и очень четко обрисовывает его первенствующее положение среди других государств Передней Азии в середине VIII в. до н. э. В надписи много внимания уделяется описанию завоеваний и включения в состав Урартского государства областей Южного Закавказья [19].

Заметим, что Анийские археологические кампании к тому времени стали традиционными. Систематическое изучение Ани началось в 1882 г. с археологических раскопок Н. Я. Марра. На раскопочной территории развалин города Ани был создан музей древностей, хранителем которого был назначен И. А. Орбели (будущий академик). Достоянное место в его научном наследии занимают труды о памятниках армянского зодчества на Ахтамаре (остров на озере Ван) [12].

В 1917 г. Грузинским обществом истории и этнографии была организована экспедиция в «турецкую» южную Грузию под руководством Э. Такайшвили. Для участия в ней были приглашены инженер-строитель А. Калгин, любитель-архитектор, поэт И. Зданевич, художники Д. Шеварнадзе, Л. Гудиашвили и М. Чиаурели (впоследствии известный кинорежиссер). Серьезной проблемой было отсутствие фотографа.

Экспедиция представила военному министру несколько кандидатур фотографов (т. к. шла война и место назначения экспедиции было занято русскими войсками,

этот вопрос нельзя было решить без санкций военного ведомства), но все они были отклонены. Тогда члены экспедиции сами решили заняться фотографированием. Оказание содействия экспедиции было поручено военному чиновнику А. Цицишвили, бывшему ученику Э. Такашвили. Он в полной мере справился с задачей. 8 июля 1917 г. археологическая экспедиция поездом отправилась в Карс, откуда на автомашинах прибыла в Мерденк, затем в Олтиси. Через Ахпурсорский перевал участники экспедиции перебрались в Тортумское ущелье и достигли Хахули [13, с. 33].

Экспедиция приступила к изучению и описанию Хахульского монастыря, затем отправилась в Тортуми и осмотрела крепость Тортум-Кала. Из Тортума экспедиция перебралась в Екеки и обмерила церковь, затем вновь вернулась в Хахули и отсюда взяла курс на Ошки; занялась изучением Ишхани.

Э. Такашвили и участники экспедиции осмотрели и описали расположенный в верхней части Тортумского ущелья Екекский храм, находящийся к югу от него Схоторотский храм, а также хорошо известные в грузинской истории церкви Отхта, Пархали и др. [13]

Экспедиция выполнила трудоемкую работу, составила планы всех осмотренных церквей, сделала муляжи многих барельефов. Все это было привезено в Тбилиси. Это была первая попытка изучения таким образом грузинских памятников. Экспедиция нашла и сняла копии многих замечательных надписей, установила наименования некоторых монастырей, ранее неизвестных.

Результаты экспедиции 1917 г. впоследствии были опубликованы на русском [33] и грузинском языках.

Председатель Грузинского общества истории и этнографии обратился во Всегрузинский совет католикосата с

просьбой о направлении в район Тао одного монаха с двумя послушниками для присмотра за древними монастырями этого края. Совет постановил на заседании 28 сентября 1917 г. направить настоятеля монастыря Вардзия монаха Ишполита с двумя послушниками на поселение возле освященного уже храма Хахули для наблюдения за указанным храмом, а также остальными древними памятниками Тао: Ошки, Екеки, Дорткили, Ишхани и Пархали. Монаху и послушникам за счет Совета католикосов устанавливалось единовременное содержание две тысячи рублей [13, с. 49].

С Кавказского театра военных действий в Академию наук регулярно поступали рукописи, в большинстве своем — арабские. Академик С. Ф. Ольденбург, директор Азиатского музея для их обработки пригласил на штатную работу молодого талантливого арабиста — будущего академика, директора Института востоковедения, редактора первого полного издания «1001 ночи» на русском языке И. Ю. Крачковского. Как утверждает биограф и ученица Крачковского А. А. Долинина, только за полгода 1917 г. «через его руки за полгода прошло и было идентифицировано около 1050 арабских манускриптов; их алфавитный каталог опубликован в «Известиях АН» в том же 1917 г. (17, № 92)» [7, с. 147].

Журнал «Старые годы» сообщал, что в период прохода российских войск в направлении Багдада по местам древней Халдеи, богатой памятниками старины — развалинами древних городов, храмов и других сооружений, «благодаря архитекторам-художникам, находившимся в войсках, многие малоисследованные памятники зарисовываются и обмеряются, что особенно ценно для Южного Кавказа, Армении, Персии, где произведены работы архитектором-художником В. П. Станицким» [16, с. 125].

Война сократила, но не прервала полностью плановые историко-этнографические исследования, памятниково-охранные мероприятия Академии наук, отдельных научных обществ внутри страны, особенно в ее полиэтничных регионах и национальных окраинах. Так, летом 1915 г. И. А. Орбели изучал в Симферополе и Феодосии памятники армянской старины и ознакомился с обычаями местных армян. В районе Старого Крыма в древнем армянском монастыре Сурб Хач он снимал копии с надписей [12, с. 29]. Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете командировало в 1916 г. в Черноморскую губернию непременно члена и секретаря общества этнографа и музеоведа В. В. Богданова «для этнографических, археологических и географических исследований и наблюдений» [4, л. 178].

Силами местных (Туркестанского отдела ИРГО, Туркестанского кружка любителей археологии и др.) и столичных специалистов изучались древности Средней Азии. В 1915 г. Академия наук анонсировала серию «Тексты по истории Средней Азии». Ее первый (и единственный выпуск) — «Дневник похода Тимура в Индию» Гияс-ад-дина Али. С приложением соответствующих отрывков из «Зафар-намэ» Низам-ад-дина Шами». Книга подготовлена молодым, после окончания университета работавшим в Средней Азии археологом и востоковедом Л. А. Зиминим под редакцией его учителя академика В. В. Бартольда [6].

Экспедиция академика С. Ф. Ольденбурга изучала в Восточном Туркестане буддийские и китайские росписи, сохранившиеся в пещерах. Как сообщал журнал «Старые годы», в апреле 1915 г. в Петроград были привезены цветные снимки, образцы фресок, «около 300 статуи, до 200 рукописей» [26, с. 109]. Данные экспонаты пополнили кол-

лекции Эрмитажа и Азиатского музея (впоследствии — Института востоковедения).

Историко-этнографические исследования в национальных районах Российской империи приобретали особое значение в условиях подготовки к созданию там (в Тифлисе, Баку, Ташкенте) высших учебных заведений.

По инициативе Министерства внутренних дел было предпринято обследование старообрядческих монастырей, скитов и обителей для разработки проекта об упорядочении их правового положения. В дальнейшем предполагалась их регистрация и обследование уцелевших в них памятников старины [26, с. 108–109].

Растущий в процессе ведения военных действий правительственный интерес к пограничным и сопредельным с Россией регионам воплотился в создании специальных научных учреждений, которые вели исследования в области лингвистики, этнографии, археологии, культуры.

В 1916 г. в рамках Академии наук появилась Постоянная лингвистическая комиссия. За несколько недель до Февральской революции, петербургские этнографы, озабоченные тем, что немцы организовали изучение этнографического состава ряда западных территорий (Литвы, Галиции, Буковины, Бессарабии и др.), обратились в правительство с предложением изучить племенной состав приграничных территорий европейской и азиатской России [29]. Уже при Временном правительстве возникла Комиссия по исследованию племенного состава населения областей, прилегающих к границам России (КИПС). Перед КИПС руководством Академии ставилась задача «научного, правильного учета последствий войны». Как отмечал один из инициаторов создания этой комиссии академик С. Ф. Ольденбург, «борьба еще идет, но она не может длить-

ся бесконечно <...> громадное значение будет иметь ясное представление о племенном составе, особенно тех частей страны, которые лежат по обе стороны наших границ европейских и азиатских, там, где они соприкасаются с землями наших противников» [28, с. 108]. В КИПС вошли многие члены созданной в 1910 г. Постоянной комиссии по составлению этнографических карт России ИРГО.

Накануне революции Академия наук развернула организационную деятельность по созданию Кавказского историко-археологического института — «не учебного, а ученого учреждения» для «исследования памятников, находящихся на поверхности и извлекаемых из недр Кавказа и прилежащих с юга стран», «изучения местных языков — мертвых и живых» [23, л. 44]. Идея создания этого научного учреждения появилась еще до войны. Как подчеркивал 28 апреля 1917 г. академик С. Ф. Ольденбург на заседании комиссии по учебным учреждениям и предприятиям Министерства народного просвещения, «нагрянувшая война заставила приостановить работу. Но затем та же война успехами на Кавказском фронте с новой силой выдвинула необходимость этой работы и поставила перед нами тот же вопрос в числе культурных предприятий первой очереди на этой нашей окраине. С последними событиями неотложность упреждения Института диктуется фактами и соображениями внутреннего порядка. Не говоря о потребности в настоящее время особо бдительного научного внимания на Кавказе к судьбе беспризорных памятников древности и лингвистически-неоценимых этнографических единиц, вовлекаемых в водоворот политической жизни, само учреждение проектируемого Института явится скромным, но открывающим широ-

кие в будущем перспективы, началом делового сотрудничества научных сил края без различия национальности и веры, первым фактическим призывом к общему культурному делу» [23, л. 45об].

Итак, в годы Первой мировой войны важной задачей органов власти Российской империи было сохранение исторических памятников на территориях, находившихся под контролем русской армии. Государственные структуры, прежде всего Министерство народного просвещения, активно сотрудничали с Академией наук, научными обществами. Финансовая поддержка сделала возможной проведение экспедиций и конкретных акций по спасению культурных ценностей. Историко-этнографические и памятникоохранные мероприятия на территориях, занятых российской армией, широко освещались в прессе. Они противопоставлялись вандализму держав — противников России, прежде всего, Германии.

Данная деятельность сочетала в себе научные и политические цели, способствуя формированию привлекательного имиджа России. Ее можно рассматривать в качестве культурной составляющей национальной и профессиональной политики.

Использованная литература:

1. А. Т. В Галиции // Старые годы. 1915. №3. С. 57–60.
2. *Басаргина Е. Ю.* Историко-археологическая экспедиция в Трапезунд (1916 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1991. Т. XXIII. С. 295–306.
3. *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004.

4. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р. 468. Оп. 2. Д. 437.
5. Григорьев А. Буковина // Природа. 1915. № 5. С. 723–742.
6. «Дневник похода Тимура в Индию» Гияс-ад-дина Али. С приложением соответствующих отрывков из «Зафар-намэ» Низам-ад-дина Шами / под ред. В. В. Бартольда. Пг.: Л. А. Зимин, 1915. Вып. I: Тексты по истории Средней Азии.
7. Долинина А. А. Невольник долга (Научная биография академика И. Ю. Крачковского). СПб.: Петербургское востоковедение, 1994.
8. История Академии наук СССР / глав. ред. К. В. Островитянов. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 2: 1803–1917.
9. Качалова В. Г. Проблемы охраны культурного достояния России как фактор формирования национального сознания народа // Стredo New. 2002. № 3. С. 1–13.
10. Колчинский Э. И. Академия наук и Первая мировая война // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / отв. ред. Э. И. Колчинский и Д. Байрау; ред.-сост. Ю. А. Лайус. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 184–206.
11. Мачавариани К. Д. В новозавоеванном крае // Записки Крымско-Кавказского горного клуба. 1915. Вып. 3–4. С. 44–60.
12. Мегрелидзе И. В. Иосиф Орбели. Тбилиси: Мецниереба, 1987.
13. Метрели Р. В. Грузинское общество истории и этнографии (Исторический очерк и материалы). Тбилиси: Мецниереба, 1987.
14. Морозов Ф. М. Автобиография // Труды Государственного Эрмитажа: Т. LVII: к XXII Международному конгрессу византистов. София, 22–27 августа 2011 г. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. С. 289–292.

15. Отражения войны // Старые годы. 1915. № 3. С. 55–57.
16. Отражения войны // Старые годы. 1916. № 4–6. С. 125.
17. Отражения войны // Старые годы. 1916. № 7–9. С. 118–119.
18. Отражения войны // Старые годы. 1916. № 10–12. С. 157–159.
19. Пиотровский Б. Б. Урартское государство во второй половине VIII в. до н. э. // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 65–78.
20. Положение об охране древностей [Электронный ресурс] // Хронос. Всемирная история в Интернете. URL: www.hrono.ru/libris/stolypin/stpn2_106.html (дата обращения 16.10.15).
21. Протокол заседания Географического отделения ИО-ЛЕАЭ 24 апреля 1916 г. // Землеведение. 1916. № 1–2. С. 162–163.
22. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 156. Д. 18.
23. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 156. Д. 388.
24. Ростиславов А. Отражения войны // Старые годы. 1914. № 10–12. С. 120–131.
25. Ростиславов А. Правительственные заботы о старине // Старые годы. 1915. № 7–8. С. 100–101.
26. Ростиславов А. Хроника // Старые годы. 1915. № 4–5. С. 103–109.
27. Рош Д. Памятники во Франции, разрушенные и разоренные немцами // Старые годы. 1915. № 6. С. 5–16.
28. Соболев В. С. Нести священное бремя прошедшего: Российская академия наук. Национальное культурное и научное наследие. 1880 — 1930 гг. СПб.: Нестор-История, 2012.
29. Соколовский С. В. Этническая идентичность в переписях населения: классификационные принципы и

- подходы [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly.
URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_028.html (дата обращения 17.10.15).
30. *Стичаков* Ф. А. В стране прудовых хозяйств (Галиция) // *Природа*. 1914. № 12. С. 1449–1470
31. *Старостин* Д. Н. Трапезундская экспедиция 1916–1917 гг. // *Новейшая история России*. 2014. № 3. С. 283–291.
32. *Такайшвили* Е. Археологическая экспедиция 1917 г. в южные провинции Грузии. Тбилиси: Изд-во Академии наук Грузинской ССР, 1952.
33. *Ферсман* А. Е. Ископаемые богатства Галиции и Буковины // *Природа*. 1915. №3. С. 385–412.
34. *Хеллман* Б. Реймский собор разрушен! Об одном мотиве в русской литературе времен Первой мировой войны // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia* X: «Век нынешний и век минувший»: культурная рефлексия прошедшей эпохи: в 2-х ч. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. Ч. 2. С. 327–343.
35. Художник-воин // *Нива*. 1916. № 26. С. 438.
36. *Щеглов* Г. Э. Хранитель. Жизненный путь Федора Михайловича Морозова. Минск: ВРАТА, 2012.